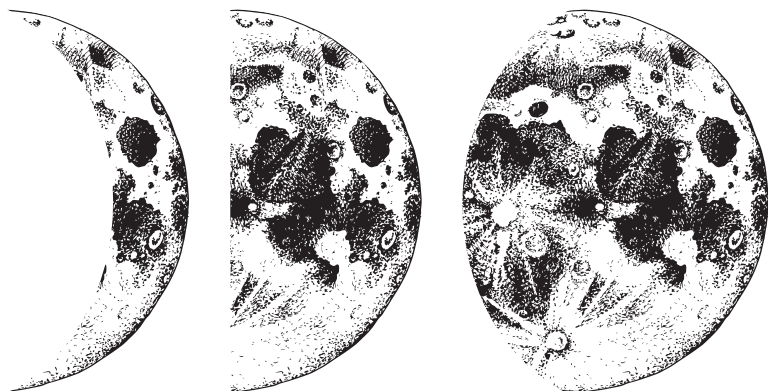

**Часть первая.
Что видела луна**

*Sie kommen zu euch in der Nacht
Und stehlen eure kleinen heißen Tränen
Sie warten bis der Mond erwacht
Und drücken sie in meine kalten Venen*

*Nun liebe Kinder gebt fein acht
Ich bin die Stimme aus dem Kissen
Ich singe bis der Tag erwacht
Ein heller Schein am Firmament*

*Они приходят к вам ночью
И воруют ваши маленькие, горячие слезы.
Они ждут, пока не взойдет луна,
И впрыскивают их в мои холодные вены.*

*Ну, дорогие детки, ушки на макушке,
Я — тот самый голос из подушки.
Пою до расцвета дня,
Вспыхивающего светом на небосводе.*

Rammstein, «Mein Herz brennt»

Дама-никто

20 октября 20[...] года двадцать три пациента и персонал детской психиатрической клиники Вальденбрух земли Бранденбург бесследно пропали. Исчезновение было обнаружено службой кейтеринга клиники. Никаких следов насилия, теракта или побега не обнаружено. Все медицинские принадлежности персонала и личные вещи пациентов остались на своих местах. В коридорах обнаружены следы мокрых детских

ног. Очевидцев произошедшего не найдено ввиду значительной удаленности клиники от ближайших населенных пунктов.

Массовое исчезновение в Вальденбрухе расследуется правоохранительными органами...

Из Википедии, «Исчезновение в Вальденбрухе»

Куда пропали дети Вальденбруха?

Их съели волки.

Унес НЛО.

Их стерли с лица земли и больше никогда не найдут.

Подумайте, что тут смешалось: дети, психиатрическая клиника, бесследная пропажа. Исчезновение в Вальденбрухе по праву признано самым шокирующим, жутким и странным событием в Германии за последние десять лет. Ни одну тему так не обсосали. Даже на беженцев всем срать.

*Люди трещат как попугайчики: куда, как, почему? Пропажка двадцати трех недомерков скопом почему-то перекрыла общую статистику похищения детей в Германии — пятнадцать тысяч случаев **ежегодно**.*

Никто не задает другие, не менее важные вопросы: кто они, эти дети? Почему они в клинике? Почему Вальденбрух называется экспериментальным проектом?

Неужели никому не интересно?

Зря-зря.

За ответами на эти вопросы вы сможете найти и под- сказки к тому, что всех так волнует.

Ушки на макушке?

То-то же.

Тогда подписывайтесь на мой канал, и я начну распутывать для вас сложную и зловещую правду о Вальденбрухе

и его пациентах. Я расскажу вам то, о чем не хотят говорить остальные.

В следующем выпуске мы начнем с истории клиники. Ставьте лайки, подписывайтесь и следите за обновлениями. Они не за горами.

С вами был Джокер. Смейтесь вместе со мной. Смейтесь, чтобы не бояться...

YouTube, из видеоблога пользователя JokerIsNeverSerious

Леа словно двигалась по шаткому канату, который норовил вот-вот оборваться. Каждое движение казалось избыточным, а под ней редела черная пропасть, готовая поглотить ее, как только она оступится.

«А ты оступишься, оступишься! Это обязательно произойдет!» — злобно шипел внутренний голос по прозвищу Шептун.

Что бы Леа ни делала, Шептун говорил, что все будет плохо.

Шептун жалил ее и заставлял бояться.

Мама говорила, что Шептуна нет...

«Вот прям сейчас! Раз — и навернешься! Сломаешь ногу! Хрясь! Напополам!» — не мог угомониться голос, и ей хотелось заткнуть уши, но тогда он стал бы только громче.

Не оступиться... Линия под ней дрожит по краям. Или это она сама дрожит...

Но останавливаться нельзя, так велено.

«Не дойдешь до дома! Линия вот-вот надорвется! Дуреха! Сейчас, вот прямо сейчас что-то случится!»

Замолчи, Шептун. Тебе лишь бы злорадствовать...

Девочка попыталась сконцентрироваться на маминых занятиях:

«Идешь прямо до светофора. Никуда не сворачивай. Я буду ждать тебя на углу, у пекарни. Поняла?»

Внезапно хрупкое равновесие нарушили: в ребра что-то больно ткнулось. Она падала, а на ухо — уже наяву — кто-то неприятно гаркнул:

— Глаза разуй, соплячка!

Леа все равно их не открывала. Пальцы ощущали шершавость тротуара, казавшегося едва реальным. Шептун уже исходил на гортанный крик, придумывая все новые и новые ругательства...

— Эй, а ну встань, — вдруг тихо раздалось прямо перед ней.

Кто-то взял ее за руку.

— Открой глаза.

— Нет, — упрямо ответила Леа.

Шептун вдруг замолк, как если бы его наконец приструнили. В ее мир стали проникать звуки, вытесненные ранее собственным страхом. Сигналы машин. Хохот. Звон бутылок.

Уха коснулось чье-то сухое теплое дыхание:

— Я говорю: открой глаза.

Почему-то она повиновалась. Сделала глубокий вдох и уставилась на того, кто с ней говорил. Перед ней на коленях сидела незнакомая женщина в длинном черном плаще. Темный взгляд выражал беспокойство, а руки слегка сжимали дрожащие плечи девочки.

— Ты упала.

Леа уставилась на кровавое пятно на светлых джинсах. Меж лохмотьев виднелась свежая рана, напоминающая красный глаз. Надо же, сначала она даже не почувствовала боли. Но теперь та проступила так отчетливо, что девочка скорчилась от неожиданных ощущений.

— Тихо, — успокаивающе произнесла женщина. — Я тебе помогу.

Она открыла сумочку и извлекла пачку широких пластырей. Без лишних слов незнакомка ловко приклеила полоску на колено, и по ореолу раны разошлось короткое жжение.

— Ты почему идешь по улице с закрытыми глазами? — внимательно спросила женщина.

Мимо шли люди, но никто не обращал на них внимания. Леа подобрала под себя ноги, испуганно глядя на ту, кто ей помогла. Она казалась одновременно молодой и старой. Молодым было лицо, старыми — глаза. Ей приятно улыбались, все еще держа за руку. Возникло странное расположение, и почему-то захотелось рассказать ей все-все-все.

— Я... боюсь ходить одна. Если очень надо, то закрываю глаза и представляю, что передо мной светлая черта. Когда я ее вижу, то могу идти.

— Это очень опасно, — покачала головой незнакомка. — Тебя только что толкнули, и ты упала. А если попала бы под машину?

— Во всем виноват Шептун, — вдруг доверительно сообщила Леа. — Он всегда сбивает меня с толку.

— Шептун? — заинтересованно спросила женщина, склоняясь к ней ближе. — И почему он виноват?

— Он шепчет всякие гадости, — обиженно протянула она. — Обзывается. Не дает мне пройти по светлой линии. Мама говорит, я все специально выдумываю, чтобы не ходить одной.

По ее щеке снисходительно провели бархатной рукой. Дама улыбалась — и даже ласково, — но улыбка словно была подернута инеем.

— Кто же такой этот Шептун?

— Злой голос.

— Милая, — ее матовые темные глаза вдруг показались очень большими, — я, кажется, знаю Шептуна. Тот еще пакостник. Постоянно сбивает с толку.

Леа облегченно кивнула. Женщина поправила ей волосы, заправив за ухо, и спросила:

— Куда ты идешь?

— К маме. Она меня ждет у булочной там, впереди. Я почти дошла.

— И почему же... — в словах незнакомки вдруг промелькнуло что-то сравнимое с отблесками света на холодном лезвии, — мама послала дочку с Шептуном в голове идти куда-то самой? Разве она не знает, что ты боишься ходить одна?

Леа не знала, что ответить, поэтому промолчала. Странная женщина, вырвавшая ее из пропасти собственных страхов, вдруг начала пугать.

— Она не успевала меня забрать, потому что еще работает. Мы должны вместе поехать домой, — почему-то сконфуженно сказала девочка.

Было необъяснимо стыдно, и хотелось вернуть расположение загадочной дамы.

— Вот что, — незнакомка хлопнула себя по коленям и поднялась. — Пошли-ка со мной. Я тебя отведу к маме. А то ты опять навернешься с закрытыми глазами...

Ее лицо вдруг размылось и превратилось в пятно. Перед девочкой осталась вытянутая ладонь. Мгновение Леа взидала на пальцы, похожие на живой мрамор, и нерешительно за них хватилась. Рука дамы сжала ее очень крепко.

— Пошли к маме. Она тебя, верно, заждалась...

Мариус

Кольца дыма медленно растворялись под потолком. Из-за закрытых окон в комнате было уже нечем дышать. Но в тот момент Мариуса это не заботило.

— Перемотай, — велел он.

Его взгляд остановился, как у рептилии.

Лука покорно перетащил движок проигрывателя на начало.

Снова Мюллерштрассе. Люди отрывисто скользят и растворяются в углах экрана. По тротуару бредет девочка с рюкзаком больше нее самой. Лица не разобрать из-за рябящих пикселей,

но по походке кажется, что она бредет вслепую. Мариус безошибочно определил эту пластику незрячего человека.

— Дай увеличение.

Лука покрутил, и лицо девочки мутно расплзлось по маленькому монитору.

— Не получится улучшить качество. Пиксели лезут.

Мариус пропускает мимо ушей. Этого достаточно, чтобы понять, что девочка идет с закрытыми глазами. Походка петляет. Такими темпами из темного леса не выбраться... А именно это Леа Маттмюллер пыталась сделать. Только лес явно рос где-то в ее голове.

— Не будь она ребенком, я решил бы, что она пьяная, — поделился блестящим умозаключением Лука.

— Идет, как на ощупь...

Какой-то шкет в кепке со всего маху режется в девочку и отшвыривает ее на обочину. Звука нет. Леа у трансформаторной будки и водит по тротуару руками.

Да что не так с этим ребенком?

«Она — абсолютно здоровая, нормальная девочка! Слышите?! Это вы все — слепые идиоты! С ней все было в порядке! Кто-то просто воспользовался тем, что она идет одна!» — стоял в ушах ор Катрин Маттмюллер, безалаберной мамы.

«А с хрена ли ты вообще оставила своего ребенка без присмотра?» — вертелось на языке у Мариуса, но он смолчал.

Вразумлять таких вот матерей — себе дороже.

Леа некоторое время так и лежала на тротуаре. Люди равнодушно проходили мимо, пока...

...одна дама не останавливается.

Стан закован в длинный черный плащ. Женщина присаживается напротив и что-то говорит. Мариус уже выучил наизусть каждое действие.

Касание ладоней, наклон головы.

Обмен словами, которые они никогда не услышат.

Леа наконец открывает глаза. Женщина поднимается и вытягивает руку.

Кинематографичная картина, несмотря на паршивое качество записи: Леа смотрит на вытянутую ладонь, как в трансе. Ей помогают встать, и девочка идет следом, теряясь в подоле длинного плаща незнакомки, вздувающегося от сильного ветра.

Руки. Руки льнущие, руки ведущие. Девочка и женщина исчезают. Но эта прохожая — *не ее мать*.

Катрин Маттмюллер походила на тыкву, упакованную в ситец. Катрин упустила свою дочь, и ее увела другая женщина.

— Еще раз? — вклинился голос Луки.

— Достаточно.

Тот кивнул и откинулся на спинку стула, пока Мариус напряженно смотрел в погасший экран.

— Киднеппинг типичный, — снова раздался голос помощника. — Они потребуют выкуп.

— Две недели прошло, — сухо отозвался Мариус. — Катрин никто не звонил.

Лука только поскреб клочковатую шевелюру.

— Интересная дама, не находишь? — отстраненно спросил он у ассистента.

— Чем же?

Мариус промолчал. Сложно вербализировать это ощущение «врезания». В появлении незнакомки было что-то неестественное. Словно врезали кадр из другого фильма. Она спорхнула с ветки, как сорока, и уволокла, что блестело.

— И на других материалах ее, значит, нет.

— Только на этом видео с камер ювелирного магазина. Мы запросили все записи со станций на Зеештрассе, Амрумерштрассе и на всякий случай Вестхафен. Она не спускалась в метро и не садилась в поезд. Значит, поехала на частном транспорте.

— На метле.

— Что?

— Ничего, — Мариус сжал переносицу, в которой раскалывались гранулы мигрени. — Ищем ее. Сообщи всем участкам. Она ключ. Возможно, что это не единичный случай похищения. Надо проверить базу данных по схожим делам.

— Это понятно. И как думаете? Найдем? Это же иголка в стоге сена, — последовал глухой зевок.

— Значит, разгребем их все. Иголки легче найти, когда о них ранишься.

Сада

Мадам Шимицу обитает в кабинете из темного дерева с отличной звукоизоляцией. Когда я вступаю в ее покои, внешний мир растворяется, и остается только мерное тиканье часов над столом.

Мне нравится это ощущение погружения в другую реальность. В ней отсекается все лишнее и проступает суть вещей. Белые пятна в голове превращаются в абсолютные числа. Я лучше понимаю числа, чем слова. Их сложнее подвергнуть сомнению.

Мадам Шимицу говорит, что я пытаюсь измерить все, что мне непонятно.

Я и ее выразила бы математически. Вернее, нас.

Мы как бесконечно большая и бесконечно малая функция. Она стремится к безграничности, а я — к нулю. Все мои последовательности ведут к этой цифре.

Я хотела бы быть мадам Шимицу, потому что она не знает предела.

— Чаю? Или чего покрепче? — вкрадчиво раздается из-за тонкой ширмы, отделяющей кабинет от маленькой кухни.

Свет желтой лампы превращает ее худой силуэт в трафарет. Я бесшумно усаживаюсь в кресло и пожимаю плечами, как если бы она могла меня видеть.

— Чего покрепче.

— Пожелания?

— Ваше усмотрение.

Ее тихий смешок растворяется в перезвоне бокалов.

Кабинет мадам Шимицу всегда в полумраке. По углам мерцают золотые абажуры, и от них рассеиваются теплые полукружья света.

— Шардоне. — Она ставит вино передо мной. — Красное портит твой характер.

В этом чудится намек на иронию. Мадам Шимицу усаживается в кожаное кресло напротив, проворачивая меж пальцев свой бокал. Она выглядит, как всегда, спокойной и сосредоточенной.

— Ты в порядке?

Я вопросительно поднимаю бровь и получаю в ответ невесомую улыбку, тут же растворяющуюся в полумраке.

— Хочу быть уверена, что событие в Вальденбрухе никак на тебя не повлияло.

Название клиники ощущается как скребок по живой плоти.

— Можете быть уверены.

— Ты всегда отражаешь слова собеседника.

— Это лучший способ не сказать лишнего.

Она наклоняется ближе, и я замечаю на ее веках серебряные тени: их точно припорошили снегом.

— Если ты захочешь уделить этому время... Я имею в виду, Родике... Я дам тебе отпуск. Помогу, чем смогу.

Меня начинает брать легкая злость, и хочется прервать разговор. Это в очередной раз начинает напоминать дурной сеанс у психотерапевта.

— Мне не интересен случай в Вальденбрухе. Еще менее интересна Родика. Неужели вы думаете, что я захочу искать ее после всего, что произошло? Закон должен дать людям право на убийство собственных родственников.

— Ты сейчас словно струю яда выплюнула, — чуть ли не хихикает мадам Шимицу и томно откидывается в кресло.

Залпом опрокидываю бокал, чтобы не чувствовать, как слова множат злобу. Мадам Шимицу не любит сдерживать свое любопытство. Ей всегда интересно что-то помимо того, что она должна знать. Это особенность бесконечно большой функции: у нее нет предела.

— Тише, — покровительственно говорит она. — Твоя сестра не моя проблема. Но ты работаешь на меня. Не люблю сюрпризов. К тому же запирают не того, кого нельзя уничтожить. Запирают того, кого уничтожить не могут. Из малодушия или той же любви.

— Здесь нет двойного дна.

Мы взираем друг на друга в молчании, и я чувствую, что мадам Шимицу словно перебирает в руках связку невидимых ключиков. Мысленно тыкает в меня каждым в надежде раскрыть, как корпус неисправных часов.

— Ей было бы сейчас двадцать один.

Это вырывается само. Мадам Шимицу кивает, припоминая нашу разницу в возрасте.

— Говорят, в Вальденбрухе были только дети.

— Большинство. Но Родика оставалась там. Ее никуда не переводили. Мне каждый год слали отчеты, которые я выбрасывала.

— Странная история с этой клиникой, — произносит она, задумавшись.

— На свете много необъяснимого. Бермудский треугольник, снежный человек, или как аргентинские муравьи самостоятельно заселили три континента без изменения генетического кода. Последнее меня вообще на уши ставит. А вы тут над Вальденбрухом голову ломаете.

Ерничанье всегда спасает. Мадам Шимицу поджимает губы, и тема наконец-то закрыта.

— Ну и славно. Тогда перейдем к делу.

Она извлекает из ящика папку и легким движением отправляет ее ко мне через стол. Ловлю на полпути: внутри документы и фото. Прыщавый, как мухомор, мальчик-подросток. В глазах — нагловатое выражение, как наяву вопрошающее: «Че надо?»

— Да вы издеваетесь. — Я поднимаю на мадам Шимицу недоуменный взгляд.

Она разводит руками и качает маленькой головой, увенчанной тугим узлом волос.

— Мне это не нужно. Запрос клиента.

— Ему пятнадцать лет, — уточняю я, глядя на дату рождения. — Это вам не детки-конфетки.

— Верно. Почти взрослый человек — и с довольно сложным характером, как сообщают источники. Тем не менее... не мы выбираем. У клиента свои причины.

Молча взираю на нее исподлобья. Игра в гляделки длится еще пару минут. Знаю, что мне ее не победить. Да это и не уговоры. Мадам Шимицу всегда ставит меня перед фактом.

— Я работаю с детьми, — делаю я последнюю попытку объяснить.

— Я знаю.

— У меня нет опыта с подростками. Они... другие. К ним сложнее найти подход. Неужели у вас нет человека, который...

— Ты — единственный человек, способный справиться с этой работой, — непреклонно ответила она. — Подростки — те же дети, просто хотят большего. Ты сможешь. У тебя талант. И шоры на глазах. Любишь, чтобы все шло по одним и тем же рельсам.

Снова опускаю взгляд на прыщавое лицо на снимке. Что мне с ним делать? Мадам Шимицу это, конечно же, не заботит: она творец, а руки ее — я.

— У тебя срок до двадцатого. К этому числу ребенок должен быть у заказчика. В деле — вся нужная информация. Его ежедневный маршрут, привычки, круг общения, хобби. Используй ее с умом.